

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности»¹

Владимир Александрович Давыденко¹,
Елена Владимировна Андрианова^{1, 2}✉

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru ✉

Аннотация. Более сорока лет назад Юрген Хабермас опубликовал двухтомник «Теория коммуникативного действия» на немецком языке, подводя итоги более двадцати лет размышлений и исследований. Основная идея его интеллектуальных усилий состояла в том, что нерушимый компонент семантической рациональности закреплен в социальной форме коммуникативного действия и в качестве основы использовался для разработки всеобъемлющей социальной теории, защищая ее средствами современной философии языка и науки. В этой книге, как и в других трудах Ю. Хабермаса, пристальное изучение теоретических традиций тесно переплеталось с его систематической аргументацией самых разнообразных научных подходов. Переосмысленные и реинтерпретированные теории Дж. Мида, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и различные версии марксизма обеспечили систему концептуальных координат, в рамках которых Ю. Хабермас исторически признавал новые идеи теории общества и проверял их фактуальными аргументами. Русский перевод книги «Теории коммуникативного действия» ожидался с большим интересом, и каково же было разочарование, когда мы увидели вышедшее издание. Автором перевода А. К. Судаковым был нарушен ключевой смысловой контекст: базовая дефиниция «действия» (термин «handeln») без всяких на то оснований была заменена

¹ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума.

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

на дефиницию «деятельность» («tätigkeiten»). В данной статье проанализированы многие вопиющие ошибки и искажения переводов, коверкающих смысловые структуры не только «коммуникативного действия», но и, по сути дела, всей современной социологии.

Ключевые слова: «теория коммуникативной деятельности», «теория коммуникативного действия», «теория действия», рациональность действия, социальная рационализация, симулякры перевода

Цитирование: Давыденко В. А., Андрианова Е. В. 2023. «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности» // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2. С. 58–82. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-58-82>

Поступила 15.05.2023; одобрена 30.05.2023; принята 02.06.2023

“Simulacra of translation”: reflections on the publication of Jurgen Habermas’ *Theory of Communicative Activity*¹

Vladimir A. Davydenko¹, Elena V. Andrianova^{1,2}✉

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.andrianova@utmn.ru ✉

Abstract. More than forty years ago, J. Habermas published his two-volume *Theory of Communicative Action* in German, encapsulating over twenty years of reflection and research. The core concept of his intellectual pursuits was that the indestructible element of semantic rationality is rooted in the social form of communicative action, which served as the foundation for a comprehensive social theory, safeguarded through modern philosophy of language and science. In this book, as in his other works, J. Habermas intertwines an in-depth examination of theoretical traditions with his systematic argumentation, encompassing a wide range of scientific approaches. Reinterpreted theories from G. Mead, M. Weber, E. Durkheim,

¹ Habermas, J. (2022). *Theory of Communicative Action: Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* (A. K. Sudakov, Trans.). Ves mir. [In Russian]

T. Parsons, and various versions of Marxism provided a system of conceptual coordinates within which J. Habermas recognized new ideas in social theory and tested those using factual arguments. After the book's publication, it garnered significant attention from the scientific community, which was remarkable considering the challenges it posed to readers. The initial published responses reflected its thematic complexity and ideological richness; the most common criticism, often expressed with the irony of a "hopelessly idealistic enterprise", was later refuted after deeper discussions. This criticism has persisted and is now supplemented with new arguments, which are countered by other counterarguments. *Theory of Communicative Action* has been translated into English, and it is hardly an exaggeration to say that it has become the focal point of international discussions about social science theory. Few authors possess the argumentative skill, intellectual history knowledge, thematic breadth, and desire to diagnose the modern world required to address a variety of areas and answer pertinent questions. Those who do not participate in today's debates or have nothing to say about this influential social theorist effectively exclude themselves from being considered serious connoisseurs. The Russian edition of J. Habermas's *Theory of Communicative Action*, translated by A. K. Sudakov and published by "Ves mir" in 2022, was highly anticipated. However, disappointment soon followed when readers discovered the released version. Although the book's table of contents appears to align with the English translation by T. McCarthy (praised by both the global sociological community and J. Habermas himself), a closer examination of the Russian text reveals that it primarily consists of "simulacra" (semblances) of the original translation. According to J. Baudrillard's precise definition of "simulacrum," this means it is merely an "imitation of the non-existent" and gives the impression of something that isn't truly there. The primary issue is that translator A. K. Sudakov disrupted the key semantic context by replacing the fundamental term действие ("handeln," or "action" in the English translation) with the unrelated term деятельность ("tätigkeiten," "activity"). From a modern sociological theory perspective, using the term коммуникативная деятельность (communicative activity) instead of коммуникативное действие (communicative action) is a significant violation of the logical progression and development of initial premises. Habermas formulated his concept of "communicative action" based on T. Parsons' approach to defining "action" as a singular social act, while the category of "activity" is rooted in an extremely broad definition of "human activity". This article examines numerous glaring errors and distortions in the translations that not only affect the semantic structures of "communicative action" but also the entirety of modern sociology. As a result, the review is titled "Simulacra of Translation" to highlight these issues through various examples of factual "reinterpretations" of the book's key meanings and concepts.

Keywords: theory of communicative activity, theory of communicative action, theory of action, rationality of action, social rationalization, translation simulacra

Citation: Davydenko, V. A., & Andrianova E. V. (2023). “Simulacra of translation”: reflections on the publication of Jurgen Habermas’ Theory of Communicative Activity *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 58–82. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-58-82>

Submitted May 15, 2023; Reviewed May 30, 2023; Accepted Jun. 2, 2023

Введение

После своего выхода в свет книга Юргена Хабермаса «Теория коммуникативного действия» привлекла к себе сильное внимание научной общественности, что, учитывая трудности, которые она предоставляла читателю, было поразительно. Уже первые опубликованные отклики отражали всю ее тематическую сложность и идейное богатство; наиболее распространенная критика, обычно высказанная с иронией «безнадежно идеалистического предприятия», после более глубокого ее обсуждения позже опровергалась. Эта критика до сих пор не ослабевает, добавляется новыми аргументами, которые разбивалась другими контраргументами. Данная книга переведена на английский язык [Habermas, 1984; Habermas, 1985], и вряд ли будет преувеличением сказать, что она стала центром международных дискуссий о теории социальных наук. Мало найдется авторов, которые по аргументации и знанию интеллектуальной истории, тематической широте и стремлению к диагностике современного мира способны сводить воедино самые различные области и отвечать на актуальные вопросы.

Тем большее разочарование было от прочтения книги «Теория коммуникативной деятельности», вышедшей в издательстве «Весь мир» в переводе А. К. Судакова под редакцией М. М. Беляева. Ранее в этом издательстве (с тем же редактором) вышла другая работа Ю. Хабермаса, «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества», тоже подвергнувшаяся критике научного сообщества [Юдин, 2017].

По структуре оглавление книги вроде бы совпадает с вариантами английского перевода Томаса Маккарти («отличными» — как по оценке представителей мировой социологической общественности, так и самого Ю. Хабермаса) [Habermas, 1984], но, если внимательно погружаешься в якобы «эквиваленты» русских текстов, то возникает острое ощущение, что там — в основном «симулякры» (видимости) перевода. А если исходить из точного определения дефиниции симулякра Жана Бодрийяра, то это просто — «имитация несуществующего», и «делание вида того, что имеешь то, чего нет на самом деле» [Бодрийяр, 2013].

Самые главные неточности наблюдаются в переводе ключевых понятий. Английский термин «action», применяемый в немецко-английских переводах, обозначает «действие», а не «деятельность», в то время как русский аналог последнего термина переводится как «activity», но не как «action». С точки зрения современной социологической теории использование термина «коммуникативной деятельности» вместо

«коммуникативного действия» есть грубое нарушение всей логики движения и развертывания исходных предпосылок: свой концепт «коммуникативного действия» Ю. Хабермас развивал на базе подхода Т. Парсонса в отношении к дефиниции «действия» как единичного социального акта, в то время как категория «деятельность» основывается на предельно широкой дефиниции «активности человека». Всё это дало повод назвать нашу статью как «Симулякры перевода», показать их на очень многих примерах фактуальных «переиначиваний» ключевых смыслов и значений рецензируемой книги.

Предваряя наш критический анализ русского перевода книги Ю. Хабермаса [Хабермас, 2022], сразу сделаем заявление, что перевод ее названия и многих фрагментов неадекватен.

Во-первых, автором перевода с немецкого языка нарушен ключевой смысловой контекст: немецкий термин «*handeln*», выступающий аналогом дефиниции «действия», без всяких на то обоснований заменен дефиницией «деятельности», которая переводится на немецкий язык как «*tätigkeiten*».

Во-вторых, английский термин «*action*», который используется во всех немецко-английских переводах, обозначает в переводе «действие», а не «деятельность», в то время как русский аналог последнего термина переводится как «*activity*», но не как «*action*».

В-третьих, надо понимать, что имеется жесткий социолого-философский контекст работ Ю. Хабермаса, который сложился как в мировой [Honeth, Joas, 1991], так и в отечественной [Головин, 2019] науке, и нельзя игнорировать академические и исследовательские традиции гуманитарного и социального дискурсов. На русском языке вышло более двадцати переводов Хабермаса.

Наша статья построена следующим способом: сначала мы проводим анализ ключевых идей и работ Ю. Хабермаса, англоязычных версий немецко-английских переводов, которые были обговорены и согласованы с автором и опубликованы в весьма уважаемых мировых издательствах. Далее на основании выявленных «сухих остатков» смыслов и значений сравниваем с теми компонентами «симулякром перевода» «Теории коммуникативной деятельности», которые исполнил А. К. Судаков.

Обращаясь к мощным интеллектуальным пластам анализа и критики книги Ю. Хабермаса «Теории коммуникативного действия» (например: [Honeth, Joas, 1991]), многие ученые оценили его попытку обосновать новый теоретический взгляд на коммуникативную рациональность в специфически формально-прагматических и феноменологических терминах интерсубъективности в целом как «проблематичную», хотя и «достойную уважения». При этом акценты делались во многом не только на философской, но и на чисто психологической и лингвистической риторике. Однако в этой статье мы хотели бы в большей степени остановиться на социологической стилистике рецензируемой книги Ю. Хабермаса в русском переводе, поскольку именно такой акцент в наибольшей степени отвечает той научной специальности, которую поддерживает журнал «Вестник ТюмГУ».

Особо обратим внимание, что переводчик книги «На пути к рациональному обществу» (Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics) Джереми Шапиро специально подчеркнул, что важно показать возможный уровень искажений (*noise level*)

перевода, для чего он привел глоссарий с терминологическими сравнениями значений слов немецкого и английского языка, где возможен спорный перевод [Habermas, 1971]. Эта книга примечательна и тем, что в ней была представлена одна из первых конструктивных попыток применить критическую теорию к теории рациональности, исследовать современность того далекого времени на основе идеи коммуникативного действия, включая анализ студенческого протестного движения, его институциональные цели, властные, авторитарные, технократические и бюрократические структуры. В 1960-е гг., которые как «современность» исследовал Ю. Хабермас в присущем для него философско-социологическом стиле, улучшились условия и качество жизни людей благодаря послевоенному росту. Появилось новое поколение молодежи с альтернативными взглядами на жизнь; при этом число студентов выросло, они были недовольны плохими условиями учебы, что резко усилило их общественную активность. По справедливому замечанию Н. А. Головина, для Хабермаса опыт студенческих выступлений

«состоял в том, что высокий уровень жизни и размывание классового сознания привели к кризису идентичности общества, который не мог быть теоретически описан в экономических понятиях эксплуатации и отчуждения, что требовало пересмотра оснований критической теории франкфуртской школы <...> практическая задача теории коммуникативного действия — решить проблему субъекта истории — осталась открытой в критической теории общества после „революционных“ выступлений студентов 1968 г.» [Головин, 2019, с. 18].

Сочувствуя требованию студентов о более демократическом участии и надеясь, что их активность таит в себе высокий потенциал для позитивных социальных преобразований, Ю. Хабермас, однако, без всяких колебаний критиковал все их воинственные аспекты как самообманчивые и пагубные:

«Трудно адекватно оценить порядок величины этого протестного движения. С одной стороны, самооценка главных героев, студентов, кажется мне беспочвенной. Студенты — это не класс, они даже не авангард класса и уж точно не ведут революционную борьбу. Ввиду результатов акционизма я считаю этот самообман (*self-delusion*) в большом стиле пагубным (*pernicious*). С другой стороны, я бы не отказался от широкой исторической перспективы. Есть несколько признаков, указывающих на то, что база, на которой рождается Новая Чувствительность (*New Sensibility*) и рвение практического разума (*zeal of practical reason*) (включая их ужасающие деформации), расширяется, и что потенциал молодежного движения растет. Если этот потенциал не сдержит себя, он приведет к саморазрушению (*self destructively*), и если мы, старшее поколение, неотреагируем без понимания, то он может стать движущей силой долгосрочного процесса трансформации, который не предотвратит даже предсказуемые катастрофы в международном масштабе и не сделает возможной определенную меру эмансипации внутри страны. Не знать этого нельзя, и мы можем с определенной осторожностью управлять этим процессом» [Habermas, 1971, с. 48; здесь и далее пер. наш — В. А., Е. В.].

Для социологии имело значение то, что Хабермас впервые стал различать два «способа действия» (*mode of action*): работу или труд (*work*) и взаимодействие или интеракцию (*interaction*), которые соответствуют непреходящим интересам человеческого рода (*human race*). Социологическая прагматика этого основополагающего различия состоит в том, что «конфликты должны быть разрешены, интересы осознаны, интерпретации найдены

как посредством действия (*action*), так и посредством транзакции (*transaction*), структурированной обычным языком» [Habermas, 1971, с. 56]. Из этой своей ментальной конструкции он сделал достаточно конструктивные философско-логические выводы в том, что к «работе» (*work*) как первому способу действия относятся средства, основанные на рациональном выборе эффективных приемов, дающих реальные результаты как инструментального (*instrumental*) и стратегического (*strategic*) действия (*action*); ко второму способу действия относятся средства, сопряженные с «коммуникативным действием» (*communicative action*) и «взаимодействием» (*interaction*), когда акторы координируют свое поведение на основе «согласованных норм» (*agreed norms*). Под «работой» (*work*), определяемой в духе Макса Вебера в терминах «целерационально-рациональных действий» (*purposive-rational actions*), Юрген Хабермас понимал «либо инструментальное действие, либо рациональный выбор, либо их сочетание, регулируемых техническими правилами, основанными на эмпирическом знании», и «коммуникативное действие» означает поэтому «символическое взаимодействие», регулируемое обязательными консенсуальными нормами (*binding consensual norms*), которые «определяют взаимные ожидания в отношении поведения и которые должны быть поняты и признаны, по крайней мере, двумя акторами (действующими субъектами)» [Habermas, 1971, с. 91–92].

Он сделал главное различие в идентификации «работы» (*work*) и «коммуникативного действия» (*communicative action*) как двух типов действия, основанных на рациональном выборе, в параметрах инструментального (*instrumental*) и стратегического (*strategic*) действия в первом случае; и «взаимодействия» (*interaction*) во втором случае, в параметрах интеракций (*interaction*), или взаимодействий, понимаемых как формы сотрудничества, координации, связи, взаимосвязи, взаимовлияния, согласования, общения, коммуникации. Термин «поле интерсубъективности» (*field of intersubjectivity*) стал аналогом дефиниции коллективного сознания в духе социологии Эмиля Дюркгейма с той лишь существенной разницей, что, как любое философское понятие, оно обладало как признаками всеобщности и абстрактности, но одновременно указывало на многие конкретные свойства и возможные события, позволяющее разным людям из различных социальных слоев взаимодействовать друг с другом, общаться и функционировать в условиях плюрализма статусных групп и интересов.

В терминах Альфреда Шютца и интерпретации Скотта Аппелроут и Лауры Десфор базовое понятие «интерсубъективность» (толкуемое как общедоступность, межличностность) относится не столько к тому факту, что мы живем в том же эмпирическом или материальном мире, что и другие, и что мы разделяем один и тот же эмпирический или материальный мир с другими; это относится сколько к тому факту, что мы разделяем одно и то же сознание.

Интерсубъективность — это «то, что вы знаете, что я знаю, что вы знаете» (*that you know that I know that you know*), которое позволяет людям из различных социальных слоев взаимодействовать друг с другом и функционировать в одном поле этого сознания [Appelrouth, Desfor, 2021, с. 1124]. Подчеркнем, что Ю. Хабермас в своей критике бюрократии, технократии и управления экспертами, полагаясь на базовые основы критической философии Франкфуртской школы, выявил новый тип рациональности —

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

коммуникативную рациональность и представил ее полное теоретическое описание, предвосхищающую категории теории действия в его поздних работах.

В «Логике социальных наук» [Habermas, 1988a] приведены веские основания для признания принятия плюралистического подхода, который автор расценил как «практический подход» (*practical approach*) Так же, как и при классификации способов исследования, связанных с утверждением разных интересов, конституирующих знание, он установил, что любая методология, теория или метод имеет свою «относительную легитимность». Наиболее плодотворным подходом к общественно-научному познанию должно стать сопоставление наибольшего количества методов, подходов и теорий друг с другом:

«... аппарат общих теорий нельзя применять к обществу так же, как к объективированным природным процессам. Более сложные из социальных подходов нельзя без ущерба свести к платформе общей науки о поведении. Социальные науки, хотя и более враждебные, чем мирное сосуществование, должны выдерживать напряжение расходящихся подходов под одной крышей» [Habermas, 1988a, с. 3].

Задавая вопрос: «Как возможны общие теории социального действия?» — Хабермас на него сам и отвечает:

«Общие теории позволяют нам выводить предположения об эмпирических закономерностях в форме гипотез, служащих цели объяснения. Закономерности социального действия обладают свойством быть понятными (*understandable*). Социальное действие относится к классу преднамеренных действий, которые мы постигаем, реконструируя их значение. Социальные факты могут быть поняты (*understood*) в терминах мотиваций. Оптимальная понимаемость (*intelligibility*) социального поведения в данных условиях, конечно, сама по себе не является доказательством гипотезы о том, что закономерная связь действительно существует. Такая гипотеза также должна оказаться верной независимо от правдоподобности интерпретации с точки зрения мотивации. Таким образом, логическая взаимосвязь понимания и объяснения может быть сведена к общей взаимосвязи между гипотезой и эмпирическим подтверждением. Только тогда, когда полученное в результате предположение о закономерности поведения, возникающей при данных обстоятельствах, было эмпирически обосновано, мы можем сказать, что наше понимание мотивации привело к объяснению социального действия» [Habermas, 1988a, с. 11].

«Основные понятия социологической теории должны быть применимы ко всем обществам. С помощью таких понятий мы должны были бы быть в состоянии сформулировать предложения, которые верны для людей в силу того факта, что они были членами социальных групп везде и во все времена. Чтобы достичь такой полноты, эти понятия должны на соответствующем уровне абстракции охватывать весь спектр человеческого опыта в обществе, а не выделять какую-то доминирующую черту этого опыта и, таким образом, оставлять некоторый остаток в стороне... Этому ключевому условию должны удовлетворять пары понятий, знакомые по более ранним теориям: статус и контракт (договор), *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, механическая и органическая солидарность, неформальные и формальные группы, первичные и вторичные отношения, культура и цивилизация, традиционная и бюрократическая власть, сельская местность и городское сообщество, священные и светские ассоциации, военное и индустриальное общество, статус и класс» [Habermas, 1988a, с. 39].

Проясняя ответ на вопрос о том, «как вообще возможны общие теории социального действия» (*how general theories of social action are possible*) — Хабермас на него отвечает таким образом:

«Зачатки теорий, касающихся эмпирической однородности социального действия, можно найти во всех социально-научных дисциплинах: в экономике, социологии, культурной антропологии, социальной психологии, и даже в политологии, поскольку она использует теоретические подходы смежных дисциплин ... в каждом случае эти дисциплины конструируют общие теории в определенных рамках: либо это теории чистого выбора, либо они сформулированы в рамках теории действия, либо они являются частью общей науки о поведении» [Habermas, 1988a, с. 39].

Тем самым уже в считающихся «ранних работах» Юрген Хабермас выделил устойчивые черты всеобъемлющей модели коммуникативного действия, а не деятельности, имеющие ясные и четкие операционализации и верификации в конкретных форматах, видах и признаках своих эмпирических проявлений.

Специфика «*Theory of Communicative Action*», ее англоязычного варианта [Habermas, 1984, 1985], сопряжена с тем, что концепция Хабермаса опиралась на новые для того времени постановки задач философии из-за их связи как с социальными науками, так и с ключевыми идеями классиков социологии и представителей неомарксистской критической теории.

Переводчик с немецкого языка на английский Т. Маккарти книги «*Theorie des kommunikativen Handelns*» («Теория коммуникативного действия») — «*The Theory of Communicative Action*» — в предисловии к изданию отметил, что Ю. Хабермаса называют в определенном смысле «последним великим рационалистом» (the last great rationalist), каковым он и является [Habermas, 1984]. Его рационализм, однако, имеет важные отличия, состоящие в том, что он стремился включить центральные идеи критики рационализма в хорошей диалектической манере, и его «Теория коммуникативного действия», опубликованная в двух томах в 1981 г., представляет собой кульминацию его усилий. Хабермас говорит нам, что эта книга преследовала три взаимосвязанные цели: 1) разработать концепцию рациональности, которая больше не была бы привязана к субъективистским и индивидуалистическим предпосылкам современной философии и социальной теории и не ограничена ими; 2) построить двуединый подход — уровневую концепцию общества, интегрирующей «жизненный мир» и «системные» парадигмы; 3) и набросать на этом фоне критическую теорию современности, которая анализирует и объясняет ее патологии таким образом, чтобы предполагать перенаправление, а не отказ от проекта Просвещения.

Одно общее замечание о подходе Хабермаса: он развивает эти темы посредством несколько необычного сочетания теоретических построений с историческими реконструкциями идей классических социальных теоретиков [Habermas, 1984]. Говоря о качестве перевода, важно подчеркнуть, что Т. Маккарти при подготовке перевода с немецкого на английский язык отмечал, что его очень успокоила готовность автора ознакомиться с первым черновиком и предложить любые изменения, которые он сочтет необходимыми. Читателям сообщалось то, что, хотя эти изменения были внесены, чтобы точнее передать его смысл или сделать перевод более читабельным, они часто привели к незначительным отклонениям от оригинального текста. Таким образом, в таких случаях соответствие между немецкой и английской версиями не совсем соответствует переводу [Habermas, 1985, с. v].

«Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса...

Авторы этой статьи специально заострили внимание на том, как конструктивно работали немецкие переводчики в тесном сотрудничестве с автором книги, чего не наблюдается в случае с русским переводом с немецкого А. К. Судакова. К переводу имеется ряд претензий, которые сводятся к тому, что российскому читателю представлен весьма сильно искаженный текст Ю. Хабермаса. Ниже предложено несколько сравнительных примеров подобного рода абберраций.

В чём слабые места русского перевода классической работы Ю. Хабермаса на русский язык?

Пройдемся по ключевым смыслам русского переводного текста книги Ю. Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности», изданной в 2022 г. издательством «Весь мир», сравнивая с английским аналогом. Первое, что сразу бросается в глаза — неверный перевод термина «*Handelns*» — «*action*» как «деятельность» несмотря на то, что название 1-го тома переведено правильно, как «Рациональность действия», но не как «Рациональность деятельности». Однако поиск по книге и арифметический подсчет фиксирует 1075 упоминаний слова «деятельность». Посмотрим, с чем связаны эти упоминания, и сравним с немецко-английским оригиналом.

Неточности в переводе начались сразу же — с предисловия к 3-му изданию. Читаем перевод А. К. Судакова:

«Это обстоятельство побудило меня к допущению, что такие простые императивы следует трактовать как перлокуции (I, 341–342). Но в таком случае иллокуционерные акты, к числу которых, без сомнения, относятся императивы, должно быть возможно включить в контексты стратегической деятельности, а это должно было бы подвести к парадоксальному выводу: при выполнении таких императивов говорящий должен был бы тогда иметь возможность действовать в одном и том же отношении одновременно с ориентацией на взаимопонимание и с ориентацией на успех. В своем ответе Шею я наметил тот путь, придерживаясь которого, я хотел бы справиться с этой трудностью.

Следуя предложению Клауса Шюллера, я дополняю перечень Содержания обстоятельным обзором, что должно помочь читателям ориентироваться в работе. Той же цели служат и вышедшие за это время в свет „Предварительные работы и дополнения к теории коммуникативной деятельности“» [Хабермас, 2022, с. 17–18].

Читаем точный перевод этого абзаца А. Б. Рахманова, который он сделал 16 лет назад:

«Это обстоятельство побудило меня предположить, что такие простые императивы должны рассматриваться тем же способом, что и перлокутивные акты (*Perlokutionen*) (т. I, с. 439). Но тогда иллокутивные акты, к которым, без сомнения, принадлежат императивы, должны были бы быть охвачены связями стратегического действия, и это должно было бы привести к парадоксальному последствию: при исполнении таких императивов: говорящий должен был в одном и том же отношении быть в состоянии действовать с ориентацией на согласие и с ориентацией на успех. В своем ответе Скайе я наметил путь, на котором я надеялся преодолеть эту трудность. Следуя предложению Клауса Шюллера, я дополнил указатель содержания подробным обзором, который должен облегчить читателям ориентацию. Этой же цели служат вышедшие тем временем „Наброски и дополнения к теории коммуникативного действия“» [Хабермас, 2007а, с. 91–92].

Сравнивая оба текста, видим сознательную и очевидную подмену понятия «действия» на «деятельность». Аналогично искажаются эти дефиниции и в предисловиях к другим изданиям. Третий раздел 1-й главы переведен так: «3. Отношения деятельности к миру и аспекты ее рациональности в четырех социологических понятиях действия» [Хабермас, 2020]. В английском переводе Т. Маккарти читаем: «3. Relations to the World and Aspects of Rationality in Four Sociological Concepts of Action» [Habermas, 1984, с. 75] — или: «3. Отношение к миру и аспекты рациональности в четырех социологических концепциях действия». И при чем тут «Отношения деятельности», если стоит просто «Отношения», и без всякой на то какой-то «деятельности»? В начале третьего параграфа 1-й главы Ю. Хабермас поясняет свою мотивацию написания:

«The concept of communicative rationality that emerged from our provisional analysis of the use of the linguistic expression „rational“ and from our review of the anthropological debate concerning the status of the modern understanding of the world is in need of a more precise explication. I shall pursue this task only indirectly, by way of a formal-pragmatic clarification of the concept of communicative *action*, and only within the limits of a systematic look at certain positions in the *history of social theory*» [Habermas, 1984, с. 75],

что можно так перевести на русский язык как

«Концепция коммуникативной рациональности, возникшая в результате нашего предварительного анализа употребления лингвистического выражения «рациональный» и обзора антропологических дебатов о статусе современного понимания мира, нуждается в более точном разъяснении. Я буду заниматься этой задачей лишь косвенно, путем формально-прагматического прояснения концепции коммуникативного действия, и только в рамках систематического рассмотрения определенных позиций в истории социальной теории».

А. К. Судаков дает совсем иной перевод:

«Понятие коммуникативной рациональности, полученное нами из предварительного анализа использования языкового выражения „рациональный“, а также из дискуссии антропологов о месте современного миропонимания, нуждается в более точной экспликации. Эту задачу я буду решать лишь косвенно, а именно — путем формально-прагматического прояснения понятия коммуникативной деятельности, это я также буду делать только в границах систематического обзора теоретических позиций, имевших место в истории науки» [Хабермас, 2022, с. 98].

Сравнение этих трех фрагментов наводит нас на мысли о том, что в представленном переводе мы видим искаженное восприятие текста Ю. Хабермаса, идущее от утраты социокультурной и теоретической релевантности переводчика: мы видим явную подмену понятий: «истории социальной теории» (*history of social theory*) с «историей науки». Они находятся в совершенно различных предметных полях, потому что в термин «наука» входят также и естественные науки, в то время как Хабермас настаивает на истории социальной теории. Всё это может показаться «мелочью», но это такая «мелочь», которая передергивает также значение термина «действие» против термина «деятельность».

Поясним нашу позицию. Хабермас употреблял термин «деятельность» (*activity*) с системной точки зрения как сочетание видов действий (*combination of activities*) на ос-

нове разделения труда (basis of a division of labor) и способность социальной системы к адаптации. То есть категория «деятельность» берется с точки зрения совокупности действий (sets of actions). Это соответствует методологии движения понятий от единичного действия (single action) к совокупности действий (sets of actions) [Habermas, 1985, с. 160].

Независимо от того, начинаем ли мы с Мида, с основных понятий социального взаимодействия (from basic concepts of social interaction) или с Дюркгейма, с основных понятий коллективной репрезентации (basic concepts of collective representation) — в любом случае общество (society) понимается с точки зрения действующих субъектов (perspective of acting subjects) как жизненный мир социальной группы (lifeworld of a social group). Напротив, с точки зрения стороннего наблюдателя общество может быть представлено только как система действий (system of actions), где каждое действие (action) имеет функциональное значение (functional significance) в соответствии с его вкладом в поддержание системы (according to its contribution to the maintenance of the system) [Habermas, 1985, с. 117].

«Когда мы рассматриваем взаимодействие общества с его социальной и природной средой (society's interchanges with its social and natural environments) с системной точки зрения (from the system perspective), мы отказываемся от теоретико-действующей предпосылки о том, что сочетание видов действий (combination of activities) на основе разделения труда (basis of a division of labor), повышающее способность социальной системы к адаптации и достижению целей, должно быть задумано всеми или некоторыми участниками. То, что с точки зрения участников выглядит как разделение труда, обусловленное задачами, с точки зрения системы представляет собой увеличение социальной сложности. Адаптивная способность системы действия (action system) измеряется только тем, какой совокупный эффект действий (aggregate effects of actions) способствует поддержанию системы в данной среде; не имеет значения, можно ли проследить объективную целесообразность последствий действия (action consequences) до целей вовлеченных субъектов (purposes of the subjects involved), или нет [Habermas, 1985, с. 160].

С точки зрения современной социологической теории, употребление термина «коммуникативной деятельности» вместо «коммуникативного действия» есть грубое нарушение всей логики движения и развертывания исходных предпосылок Ю. Хабермаса: свой концепт «коммуникативного действия» он развивал на фундаментальной базе подхода Т. Парсонса в отношении к дефиниции «действия» как единичного социального акта, в то время как категория «деятельность» основывается на предельно широкой дефиниции «активности человека». Здесь мы видим элементарное нарушение принципа взаимосвязи «единичного — особенного — всеобщего» как категорий философии и диалектики, как отражающие взаимозависимости и взаимопереходы явлений объективного мира от единичного к всеобщему. В реальном мире единичное обуславливается наличием у материального объекта только ему присущих свойств, которые позволяют отличать его от других объектов. Единичное есть определенность качества внутри самого объекта, тождественная бытию определенность, или его однородность с вещами того же качества. В таком контексте дефиницию «действия» можно сравнить с активностью единичного «актора».

В нашей версии понимание проблемы различения «действия» и «деятельности» заключается в том, что теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса покоится на единичном акте действия и потому не может именоваться коммуникативной деятельностью, которая, если она и есть, должна включать в себя множество единичных актов. В этом заключается вся знаково-смысловая структура ее построения. Ниже мы представляем конкретные подтверждения именно такого объяснения теории коммуникативного действия.

Почему теория «действия», а не теория «деятельности»?

Чтобы предельно точно ответить на этот вопрос, с методологической точки зрения нужно поднимать все первоисточники и предтечи, с которых это начиналось. Как утверждал Ю. Хабермас и в предисловии к «Теории коммуникативного действия» и в более ранних трудах, эта новая его парадигма стала направлять большую часть его работ в его стремлении раскрыть те базовые предпосылки, которые были обнаружены им еще в «Логике социальных наук» 1967 г. А именно нужно:

«... исследовать три проблемы. Во-первых, возникает вопрос, должны ли теории, допущения которых направлены на объяснение намеренного действия, исходить из максимумов действия, или же мы можем отказаться от этого нормативного подхода в пользу анализа контекстов действия. Это приводит к дальнейшему вопросу о том, обязательно ли эмпирически-аналитическая процедура требует сведения преднамеренного действия к поведению, основанному на стимуле-реакции (stimulus-response). Однако, как будет продемонстрировано далее, если нередуцирующие теории социального действия должны отказаться от элементаристской структуры теорий науки о поведении в пользу функционализма, то мы должны рассмотреть вопрос, при каких условиях социально-научные исследования систем могут выйти за рамки предписывающего знания и внести вклад в эмпирический анализ социальных контекстов. Последний вопрос снова поднимает проблему границ общих теорий социального действия» [Habermas, 1988a, с. 43–44].

Суть этого заявления Хабермаса сводится к тому, что он отталкивается от «эмпирически-аналитических процедур» (empirical-analytical procedures), т. е. от единичного эмпирического социального акта, и стремится свести его к «поведению» (behavior), к «нередуцирующим теориям» (nonreductive theories), и далее анализ социальных контекстов (analysis of social contexts) с обратным возвратом к эмпирике единичного акта. И он объясняет в разных статьях и книгах [Хабермас, 1993, 2001, 2003, 2005, 2007б, 2008, 2010, 2011, 2017; Habermas, 1988б, 1990а, б, 1995а, б], для чего он преследует знаменитые взаимосвязанные цели: теория рациональности; разработка уровневой теории общества, интегрирующей жизненный мир и системные парадигмы.

Особенность подхода Хабермаса состояла в том, что он развивал эти темы посредством сочетания теоретических построений в контексте исторических реконструкций идей классических социальных теоретиков, таких как Карл Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Джордж Мид, Т. Парсонс, Теодор Адорно, Дьердь Лукач, Макс Хоркхаймер, с целью найти их позитивные вклады и внести в теорию коммуникативного действия все эти моменты, и иметь возможность критиковать «исторические реконструкции», пре-

одолевая их недостатки и размышляя вместе с ними так, чтобы выйти также и за их пределы [Habermas, 1984].

В то время как здесь ставится акцент на нормативности и защищаются универсалистские амбиции сущего, имманентные философской традиции, это делается в парадигмальных рамках единичного, включающих определенные виды конкретных эмпирических социальных исследований, с которыми философия должна взаимодействовать. Такая исходная постановка целей и задач разработки новой социальной теории предполагает предпосылки действия, но никак не парадигму деятельности.

В свете вышесказанного становится вообще непонятной дальнейшая логика перевода терминов *действия* и *деятельности* переводчиком. Раскрывая «теории третьего мира у Поппера», он вместе с Хабермасом стал полемизировать «с основным эмпирическим положением, согласно которому субъект непосредственно противостоит миру, получает из него свои впечатления благодаря чувственным восприятиям и воздействует на состояния в нем при помощи действий» [Хабермас, 2022, с. 99]. Так как же правильно: действий или деятельности? В английском переводе — только «*action*», во всех трех вариациях — концепций телеологического (teleological), нормативно регулируемого (normatively regulated) и драматургического (dramaturgical) типов действия с точки зрения отношений актора и мира; и на этой основе как их реконструкций позволяет ввести понятие коммуникативного действия (communicative action) [Habermas, 1984]. Хабермас объяснил,

«почему Поппер понимает свое учение об объективном разуме как критическое расширение эмпирической концепции, при этом вводит как объективный, так и субъективный разум как „миры“, т. е. как особые совокупности сущностей (special totalities of entities)» [Habermas, 1984, с. 77].

Этот фрагмент в русском переводе А. К. Судакова звучит в несколько иной интерпретации, зато он помогает лучше понять ментальную направленность его перевода:

«почему этот проблемный контекст позволяет Попперу понимать свое учение об объективном духе как некое расширение эмпирического концепта, а также почему он вводит и объективный дух, и субъективный дух как „миры“, т. е. как специфические совокупности сущностей (Entitäten)» [Хабермас, 2022, с. 100].

В данном случае обосновывается концепт «жизненных миров», обусловленный неким «проблемным контекстом», который, в свою очередь, «непосредственно противостоит миру, получает из него свои впечатления благодаря чувственным восприятиям и воздействует на состояния в нем при помощи действий» [Хабермас, 2022, с. 99].

Далее А. К. Судаков говорит о «телеологической модели действия», которая «расширяется до стратегической модели, если в расчет актора на успех его действия может входить ожидание решений по крайней мере еще одного целенаправленно действующего актора. Эту модель действия нередко толкуют в утилитаристском смысле; в таком случае предполагают, что актер выбирает и калькулирует средства и цели с точки зрения максимально возможной пользы или ожиданий пользы. Эта модель действия лежит в основе подходов в духе теории решения и теории игр в экономике, социологии и социальной психологии» [Хабермас, 2022, с. 107].

И в этом же абзаце он толкует о «понятии нормативно регулируемой деятельности», которое «относится не к поведению принципиально одинокого актора, который преднаходит (*vorfindet*) в своей окружающей среде других акторов, а к членам социальной группы, ориентирующим свою деятельность на общие им ценности» [Хабермас, 2022, с. 107].

Этот же фрагмент в английском тексте звучит так:

«The teleological model of action is expanded to a strategic model when there can enter into the agent's calculation of success the anticipation of decisions on the part of at least one additional goal-directed actor. This model is often interpreted in utilitarian terms; the actor is supposed to choose and calculate means and ends from the standpoint of maximizing utility or expectations of utility. It is this model of action that lies behind decision-theoretic and game-theoretic approaches in economics, sociology, and social psychology. The concept of normatively regulated action does not refer to the behavior of basically solitary actors who come upon other actors in their environment, but to members of a social group who orient their action to common values» [Habermas, 1984, с. 85].

Наш перевод такой:

«Телеологическая модель действия расширяется до стратегической модели, когда в расчет успеха агента может входить предвосхищение решений со стороны хотя бы одного дополнительного целенаправленного актора. Эта модель часто интерпретируется в утилитарных терминах; предполагается, что актор выбирает и рассчитывает средства и цели с точки зрения максимизации полезности или ожиданий полезности. Именно эта модель действия лежит в основе подходов, основанных на теории принятия решений и теории игр, в экономике, социологии и социальной психологии. Понятие нормативно регламентированного действия относится не к поведению принципиально одиночных акторов, столкнувшихся с другими акторами в своем окружении, а к членам социальной группы, ориентирующим свое действие на общие ценности».

Ни о каких видах «деятельности» здесь речь вообще не идет — только о видах действий.

Читая далее текст А. К. Судакова, можно отметить хаос и путаницу в переводе понятий.

«Понятие драматургической деятельности в первую очередь относится не к одинокому актору, не к члену социальной группы, а к участникам интеракции, составляющим друг для друга публику, перед глазами которой они позиционируют себя. В драматургической деятельности ее участники пользуются этим обстоятельством и управляют своей интеракцией с помощью регулирования обоюдного доступа к собственной субъективности каждого из них» [Хабермас, 2022, с. 140].

Английский перевод для сравнения:

«Each agent can monitor public access to the system of his own intentions, thoughts, attitudes, desires, feelings, and the like, to which only he has privileged access. In dramaturgical *action*, participants make use of this and steer their interactions through regulating mutual access to their own subjectivities» [Habermas, 1984, с. 87].

Наш перевод:

«Каждый агент может контролировать публичный доступ к системе своих собственных намерений, мыслей, установок, желаний, чувств и т. п., к которым только он имеет

привилегированный доступ. В драматургическом действии участники используют это и управляют своими взаимодействиями, регулируя взаимный доступ к своим собственным субъективностям».

Текст А. К. Судакова:

«... понятие коммуникативной деятельности относится к интеракции по меньшей мере двух субъектов, способных говорить и действовать, вступающих (будь то вербальными или экстравербальными средствами) в интерперсональное отношение. Акторы ищут взаимопонимания насчет поведенческой ситуации, чтобы по взаимному согласию скоординировать свои планы действий, а тем самым и свои действия. Ключевое понятие интерпретации относится в первую очередь к выработке определений ситуации, способных достигнуть консенсуса. В этой модели действия, как мы увидим, особенно важное значение получает язык» [Хабермас, 2022, с. 141].

Английский перевод:

«... the concept of communicative action refers to the interaction of at least two subjects capable of speech and action who establish interpersonal relations (whether by verbal or by extraverbal means). The actors seek to reach an understanding about the action situation and their plans of action in order to coordinate their actions by way of agreement. The central concept of interpretation refers in the first instance to negotiating definitions of the situation which admit of consensus. As we shall see, language is given a prominent place in this model» [Habermas, 1984, с. 87].

Наш перевод:

«... понятие коммуникативного действия относится к взаимодействию по крайней мере двух субъектов, способных к речи и действию, которые устанавливают межличностные отношения (будь то вербальными или экстравербальными средствами). Акторы стремятся достичь взаимопонимания, взаимного понимания ситуации действий и своих планов действий, чтобы путем соглашения координировать свои действия. Центральная концепция интерпретации относится в первую очередь к согласованию определений ситуации, допускающих консенсус. Как мы увидим, в этой модели языку отводится видное место».

Продолжая приводить здесь тексты в переводе А. К. Судакова, мы опять видим хаос и неразбериху в ключевых понятиях:

«Телеологическое понятие действия было плодотворно применено основоположниками неоклассики вначале для экономической теории избирательных действий, а Нойман и Моргенштерн — для теории стратегических игр. Понятие нормативно регулируемой деятельности получило парадигмальное значение для образования социологических теорий благодаря Дюркгейму и Парсонсу, понятие драматургической деятельности — благодаря Гофману, понятие коммуникативной деятельности — благодаря Миду и позднее Гарфинкелю» [Хабермас, 2022, с. 109].

Английский перевод:

«The teleological concept of action was first rendered fruitful for an economic theory of choice by the founders of neoclassical economics, and then for a theory of strategic games by von Neumann and Morgenstern. The concept of normatively regulated action gained paradigmatic

significance for theory formation in the social sciences through Durkheim and Parsons, that of dramaturgical action through Goffman, that of communicative action through Mead and later Garfinkel» [Habermas, 1984, с. 86].

Наш перевод:

«Телеологическая концепция *действия* впервые была плодотворна для экономической теории выбора основателями неоклассической экономической теории, а затем фон Нейманом и Моргенштерном для теории стратегических игр. Понятие нормативно регламентированного *действия* приобрело парадигматическое значение для формирования теорий социальных наук через Дюркгейма и Парсонса, понятие драматургического *действия* — благодаря Гоффману, коммуникативного *действия* — благодаря Миду и позже Гарфинкелю».

Обращаясь к понятию «коммуникативной деятельности», в переводе А. К. Судачкова отмечается, что «в игру вступает еще одна предпосылка некоей языковой коммуникативной среды (*sprachliche Medium*), в которой отражаются отношения актора к миру как таковые» [Habermas, 1984, с. 118].

Этот момент имеет очень важное значение для нашей критики самого названия русского перевода книги Ю. Хабермаса как «Теория коммуникативной деятельности», потому что, по определению, речевой акт вовсе не является формой «коммуникативной деятельности». Речевой акт — это стандартный формат единичного «коммуникативного действия», в то время как дефиниция «деятельности» означает в целом активность человека или организации. Поэтому перевод названия книги Хабермаса как «Теория коммуникативной деятельности» в принципе неверный.

Обратим еще раз внимание на то, что в двухтомнике «Теория коммуникативного действия» Хабермас анализирует исходные единичные (а не «всеобщие») форматы речевого акта и главная его задача — выявить степень того, когда достигается взаимное понимание, т. е. когда слушающий занимает «утвердительную позицию» (*affirmative position*) по отношению к утверждению говорящего [Habermas, 1984].

Исходя из того, что с социально-научной точки зрения язык и речь являются средством координации действий, Хабермас хотел переосмыслить и реконструировать «перформативную установку» (*performative setting*) в своей теории. Фундаментальная форма координации посредством языка требует от говорящих занимать практическую позицию, ориентированную на «достижение понимания» (*achieving understanding*), которое во всеобщем плане он рассматривал как «врожденную цель» (*innate purpose*) языка, как «неотъемлемый телос» (*inherent telos*) речи. Когда акторы обращаются друг к другу с таким практическим отношением, то они участвуют в том, что Хабермас называл «коммуникативным действием» (*communicative action*), которое он отличал от «стратегических форм» (*strategic forms*) социального действия. Дефиниция «коммуникативное действие» является изначально согласованной формой социальной координации, в которой акторы «мобилизуют потенциал рациональности» (*mobilize the potential of rationality*), данный с помощью обыденного языка и его «телоса» на рационально мотивированное согласие [Habermas, 1998]. Рациональность глубоко «встроена» (*embedded*) или «вмонтирована» через обыденный язык в любые согласованные формы социальной координации.

Для более полного обоснования своей концепции коммуникативного действия Хабермас указал на тот социальный механизм, который позволял сделать возможным рационально мотивированное соглашение. С этой целью он привел доводы в пользу «особой трактовки значения» (particular account of utterance meaning) высказывания как основанной на общепринятых «условиях приемлемости» (acceptability conditions). Хабермас использовал прагматический подход, анализируя и усиливая условия «иллокутивного успеха» (illocutionary success) речевого акта.

Отметим, что, хотя в контексте социальной теории «иллокутивный» (illocutionary) — сравнительно новый термин, в лингвистике он означает прагматическую (практическую) цель высказывания, будь то заявление, приказ, обещание; они предназначены для выражения конкретной «иллокутивной функции», например: «это пойдет» — соглашайся, «берегись»! — угроза, перебежешься, «ты сам это переживешь!» — отказ [Кустова, 2012].

По Хабермасу,

«с помощью этой модели действия мы предполагаем, что участники взаимодействия теперь могут мобилизовать потенциал рациональности, который ... содержится в трех отношениях актора к миру, специально для совместно преследуемой цели достижения понимания. Если оставить в стороне сформированность используемых символических выражений, то актер, ориентированный на понимание в этом смысле, должен выдвигать своим высказыванием по крайней мере три притязания на достоверность: что сделанное утверждение истинно (что экзистенциальные предпосылки пропозиционального содержания действительно выполняются); что речевой акт правилен по отношению к существующему нормативному контексту (что нормативный контекст, которому он должен удовлетворять, сам легитимен); и явное намерение говорящего подразумевается в том виде, в каком оно выражено» [Habermas, 1984, с. 99].

С помощью этих принципов Хабермас связывал значение речевых актов с практикой обоснования: речевые акты по своей сути включают утверждения, нуждающиеся в обосновании, утверждения, открытые как для критики, так и для оправдания. В повседневной речи и в большей части наших действий говорящие молчаливо обязуются объяснять и оправдывать себя, если это вдруг станет необходимым.

Таким образом, чтобы понять, что человек делает, совершая речевой акт, он должен иметь некоторое представление о соответствующей реакции, которая оправдала бы его речевой акт, если бы ему было предложено это сделать. Поступая именно таким образом, т. е., когда слушатель занимает «утвердительную позицию», он предполагает, что утверждения в речевом акте могут быть подкреплены вескими причинами (даже если он о них не просил).

Почему в «Теории коммуникативной деятельности» отрицается концепция валидности?

Оказалось, что мы не можем сравнить дефиниции «валидности» с дефинициями русского перевода [Хабермас, 2022, с. 8–42], потому что «валидность» упоминается там всего два раза. В то время как в англоязычной версии только 1-го тома «validity» встречается 476 раз. «Валидность» (validity) по Хабермасу включает в себя понятие правильности,

аналогичное идее истины (*idea of truth*). В этом контексте «утверждение о достоверности» (*validity claim*) идентифицируется именно как прямой перевод немецкого термина «*Geltungsanspruch*» (претензия к действию).

Важно подчеркнуть, что теория коммуникативного действия Хабермаса основывается на его принципиальной идее о том, что социальный порядок зависит в конечном счете от креативной способности акторов признавать intersубъективную обоснованность (*intersubjective validity*) разных многих требований, от которых зависит социальное сотрудничество. Чтобы обосновать многомерную систему утверждений о такой достоверности — или социологической валидности — надо дополнить семантический анализ прагматическим анализом самых разнообразных видов аргументированного дискурса — самых разнообразных «логик аргументации», с помощью которых каждый тип может быть intersубъективно обоснован как особое единство людей, обладающих общностью установок, воззрений, совместного опыта представлений и восприятия определенного типа [Хабермас, 2022, с. 8–42].

Конкретная разновидность утверждения о достоверности считается отличной от других только в случае, если можно установить, что его дискурсивное обоснование включает в себя черты, отличающие его от других вариантов обоснования. Таким образом, дискурсивный анализ валидности Хабермаса выявляет важные различия в аргументативных требованиях, которые предъявляются к различным типам обоснованных утверждений независимо от того, удастся его прагматической теории значения или нет внедриться в социальную науку.

Теория дискурса призывает к прагматическому анализу аргументации как социальной практики. Такой анализ направлен на реконструкцию нормативных предпосылок, которые структурируют дискурс компетентных оппонентов (*competent arguers*). Чтобы добраться до этих предпосылок, нельзя просто описать аргументацию в том виде, в каком она возникает эмпирически. Как было обосновано в «Теории коммуникативного действия», нужно принять перформативную позицию участника и сформулировать общие, часто негласные, неписанные, неявные, «молчаливые» (*tacit*) идеалы и правила, которые обеспечивают саму основу для того, чтобы считать одни аргументы лучшими, чем другие.

Риторический уровень (*rhetorical level*) он рассматривал в терминах высоко идеализированных свойств коммуникации, которые он представил как условия «идеальной речевой ситуации» (*ideal speech situation*) в контексте «универсальной прагматики» [Habermas, 2014]. Этот способ высказывания предполагал идеальное условие, которому должны соответствовать реальные дискурсы или хотя бы, по крайней мере, приблизительно удовлетворять основным смыслам и содержаниям. В этом моменте Хабермас внес идею риторически адекватного процесса как набора неизбежных, но противоречащих фактам «прагматических предпосылок» (*pragmatic presuppositions*), которые участники дискуссии должны сделать, если они захотят рассматривать фактическое выполнение диалектических процедур.

Анализируя общество в контексте истины, Хабермас развил концепт дискурсивного опровержения фактических претензий на достоверность (*discursive redemption of factual claims to validity*) и тем самым разработал операциональные аргументы для условий, которые противоречат действительности, они «контрфактуальны» (*counterfactual*) в смысле,

что реальные дискурсы редко могут реализовать и никогда не могут подтвердить эмпирически полное включение (полную инклюзивность — *full inclusion*), а также отсутствие какого-либо принуждения (*non-coercion*) и равенство (*equality*). [Habermas, 2014].

В то же самое время все эти идеализирующие предпосылки оказывают действенное оперативное влияние на реальный дискурс: можно считать результаты разумными (как согласованные, так и несогласованные) только в случае, если тщательное изучение процесса не обнаружит явных исключений, подавления тех или иных аргументов, манипуляций, самообмана. Прагматические идеализации функционируют в этом смысле как «стандарты для самокорректирующегося процесса обучения» (*standards for a self-correcting learning process*) [Habermas, 2008].

Однако при этом надо понимать, что «пространство ответственного суждения» (*space of responsible judgment*) по-прежнему остается идеализацией, которая не может быть сведена к какому-либо наблюдаемому реальному поведению.

Выводы

Для современной социологической науки имеют большое значение те утверждения об истине (не лжи), правде и правильности, которые должны поддаваться аргументированному обоснованию в собственном смысле этого слова с помощью и посредством того, что Хабермас называл «строгими рассуждениями», «сильными» и «строгими» дискурсами (*strict discourses*). Когда он проанализировал дискурсы, связанные с двумя типами валидности по признакам морали и фактуальных событий, то у них оказалось много общего. С точки зрения современной социологии имеет значение именно то, что Хабермас прагматически разъяснил значение точного представления с позиции значения для повседневной практики и дискурса. В той самой мере, в какой мы принимаем «пропозициональные содержания» (*propositional contents*) как бесспорно истинные в нашем ежедневном практическом взаимодействии с реальностью, так мы действуем уверенно на основе хорошо подкрепленных убеждений об объектах в мире. Он обсуждал разные теории рациональности, и предложил свои собственные типы рациональности: эпистемическую, практическую и интерсубъективную. Рациональность для Хабермаса заключается не только в обладании конкретными знаниями, но и в том, «как говорящие и действующие субъекты приобретают и используют знания» [Habermas, 1984, с. 107].

«Прагматичной» будет каждая из этих точек зрения, поскольку она обладает отличительными чертами, которые делают их толкователей компетентными и знающими агентами. Хабермасовская реконструкция всегда пытается артикулировать инвариантные структуры коммуникации и поэтому квалифицируется как «формальная прагматика». Хабермас излагает критическую социальную теорию хотя и плюралистическим, но также и реально объединяющим образом. Он амбициозно заявляет:

«критическая социальная теория не относится к устоявшимся направлениям исследований в качестве конкурента; начиная с самой концепции подъема современных обществ, критическая социальная теория пытается объяснить конкретные ограничения и относительные права этих подходов» [Habermas, 1985, с. 376].

Заключение

Подводя предварительные итоги анализа ключевых моментов теории коммуникативного действия Хабермаса по англоязычным источникам, важно подчеркнуть, что по мере того, как он понимал свою главную задачу по раскрытию этой теории, он должен был критическую социальную теорию убедительно утвердить, как особую форму знания, во многом за счет методологической критики царствовавших тогда позитивистской философии науки, социологии позитивизма и герменевтики.

Юрген Хабермас, разрабатывая свою теорию коммуникативного действия, опирался не только на теорию действия Т. Парсонса, но и, пожалуй, еще в большей степени на три составляющих знание типа интереса:

- (1) «технический интерес»,
- (2) «антропологически глубоко укоренившийся интерес»,
- (3) интерес, интерпретирующий культурно-герменевтические науки, которые, в свою очередь, также опираются на глубоко укоренившийся «практический интерес» с целями обеспечения и расширения возможностей взаимопонимания и самопонимания себя и самой жизни.

Все эти разные типы интереса структурируют способы исследования и производства знаний в «эмпирически-аналитических» науках, т. е. в естественных науках и типах социальных наук, которые нацелены на проверяемые общие объяснения. Эти интересы и соответствующие им формы наук предполагают и формулируют способы ориентированного на действие межличностного понимания, которые действуют в рамках социокультурных форм жизни и грамматики обычного языка. Человеческие сообщества, согласно Ю. Хабермасу, нацелены на понимание культуры «нормативно-аналитических» предпосылок социальных наук.

Есть смешанные типы соответствующих наук, которые, как, например, теории рационального выбора даже философии и социологии опираются, на формальное моделирование. Выделяя в особый ряд герменевтические науки социальной теории, они, по справедливому мнению Хабермаса, приносят методическую дисциплину в особенности повседневного взаимодействия и в этом смысле находятся на одном уровне с эмпирически-аналитическими науками, которые, в свою очередь, возводят повседневное инструментальное действие к экспериментальному методу. Делая явными эти первые два когнитивных интереса, он пытался выйти за рамки позитивистских представлений о естественных и социальных науках. В его объяснениях часто игнорируется та роль, которую глубоко укоренившиеся человеческие интересы играют в формировании возможных объектов исследования.

Список источников

- Бодрийяр Ж. 2013. Симулякры и симуляция: Перевод с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист. 204 с.
- Головин Н. А. 2019. Юрген Хабермас о силе социальной коммуникации: к 90-летию немецкого социолога // Социологические исследования. № 6. С. 15–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250005478-8>

- Кустова Г. И. 2012. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захваты-
вающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., Языки славянской
культуры. С. 349–366. URL: https://ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Kustova.pdf
- Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего
капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. № 2. С. 123–136.
- Хабермас Ю. 2001. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. Ша-
чина, Д. Складнева; под ред. Б. Маркова. СПб.: Наука. 377 с.
- Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. М. Беляева, К. В. Ко-
стина, Е. Л. Петренко, И. В. Розанова, Г. М. Северской. М.: Весь Мир. 416 с.
- Хабермас Ю. 2005. Модерн — незавершенный проект // Хабермас Ю. (ред.). Политиче-
ские работы. М.: Праксис. С. 7–31.
- Хабермас Ю. 2007а. Теория коммуникативного действия (предисловия к 1 и 3 изданиям) /
пер. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. Т. 1. № 1. С. 85–92.
- Хабермас Ю. 2007б. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.:
Праксис. 208 с.
- Хабермас Ю. 2008. Проблематика понимания смысла в социальных науках / пер. Т. Тягу-
новой. Социологическое обозрение. Т. 7. № 3. С. 3–32.
- Хабермас Ю. 2010. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воро-
пай. М.: Праксис ВЦИОМ.
- Хабермас Ю. 2011. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем.
М. Б. Скуратов. М.: Весь Мир. 336 с.
- Хабермас Ю. 2017. Структурное изменение публичной сферы: исследования относитель-
но категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года / пер.
В. И. Иванова. М.: Весь Мир. 344 с.
- Хабермас Ю. 2022. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова.
Москва: Весь Мир. 880 с. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация;
Т. 2. К критике функционалистского разума.
- Юдин Г. Б. 2017. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публич-
ной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) //
Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. I. № 1. С. 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133>
- Applerouth S., Desfor L. 2021. Classical and Contemporary Sociological Theory. Northridge:
SAGE. California State University. 1716 pp.
- d'Entrèves M. P., Benhabib S. (Eds.). 1997. Habermas and the Unfinished Project of Modernity:
Critical Essays on the Philosophical Discourse of Modernity. MIT Press. 315 pp.
- Habermas J. 1971. Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics / transl.
by J. Shapiro. Beacon Press. 142 pp.
- Habermas J. 1984. The Theory of Communicative Action / transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
465 pp. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society.
- Habermas J. 1985. The theory of Communicative Action / transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
457 pp. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason.
- Habermas J. 1988a. On the Logic of the Social Sciences / transl. by S. W. Nichol森. Cambridge,
MA: MIT Press. 220 pp.

- Habermas J. 1988b. *Theory and Practice* / transl. by J. Viertel. Beacon Press. 320 pp.
- Habermas J. 1990a. *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)* / transl. by S. W. Nicholsen, J. A. Stark. MIT Press. 220 pp.
- Habermas J. 1990b. *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press. 450 pp.
- Habermas J. 1995a. *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung*. [Taschenbuchausg.] Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 533 pp.
- Habermas J. 1995b. *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. [Taschenbuchausg.] Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 632 pp.
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* / transl. by W. Rehg. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 676 pp.
- Habermas J. 1998. *On the pragmatics of communication* / M. Cooke (ed.) Cambridge, MA: MIT Press. 464 pp.
- Habermas J. 2008. *Between Naturalism and Religion*. Polity Press. 361 pp.
- Habermas J. 2014. *On the Pragmatics of Social Interaction*. Polity Press. 216 pp.
- Honneth A., Joas H. (eds.). 1991. *Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action* / transl. by J. Gaines, D. L. Jones. 1st edition. MIT Press. 311 pp.

References

- Baudrillard, J. (2013). *Simulacra and Simulation* (O. A. Pechenkina, Trans., Foreword). Tul'skiy poligrafist. [In Russian]
- Golovin, N. A. (2020). Jürgen Habermas on the power of social communication: on the 90th anniversary of the German sociologist. *Sociological Research*, (6), 15–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250005478-8> [In Russian]
- Kustova, G. I. (2012). About illocutionary phraseology. In *Meanings, Texts and Other Exciting Stories. Collection of Articles in Honor of the 80th Anniversary of I. A. Melchuk* (pp. 349–366). *Yazyki slavyanskoy kultury*. https://ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Kustova.pdf [In Russian]
- Habermas, J. (1993). Relations between the system and the life world in the conditions of late capitalism. *THESIS*, 1(2), 123–136. [In Russian]
- Habermas, J. (2001). *Moral Consciousness and Communicative Action*. (S. Shachin & D. Sklyadnev, Trans.; B. Markov, Ed.). Nauka. [In Russian]
- Habermas, J. (2003). *Philosophical Discourse on Modernity*. (M. M. Belyaeva, K. V. Kostina, E. L. Petrenko, I. V. Rozanova, G. M. Seversky, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2005). Modern — Unfinished Project. In J. Habermas (Ed.). *Political Works* (pp. 7–31). Praxis. [In Russian]
- Habermas, J. (2007). Theory of communicative action (prefaces to the 1st and 3rd editions) (A. B. Rakhmanov, Trans.). *Questions of Social Theory*, 1(1), 85–92. [In Russian]
- Habermas, J. (2007). *Technology and Science as an "Ideology"* (M. L. Khorkova, Trans.). Praxis. [In Russian]

- Habermas, J. (2008). The problems of understanding meaning in the social sciences (T. Tyagunova, Trans.). *Sociological Review*, 7(3), 3–32. [In Russian]
- Habermas, J. (2010). *The Problem of Legitimation of Late Capitalism*. (L. V. Voropai, Trans.). Praxis VTSIOM. [In Russian]
- Habermas, J. (2011). *Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles*. (M. B. Skuratov, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2017). *Structural Change of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society: with a Preface to the 1990 reprint*. Translated by V. I. Ivanov. M.: Ves mir. [In Russian]
- Habermas, J. (2022). *Theory of Communicative Activity: Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society; Vol. 2. Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* (A. K. Sudakov, Trans.). Ves mir. [In Russian]
- Yudin, G. B. (2017). [Book Review: Habermas, J. 2016. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Ves' mir. Philosophy]. *Journal of the Higher School of Economics*, 1(1), 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133> [In Russian]
- Applerouth, S., & Desfor, L. (2021). *Classical and Contemporary Sociological Theory*. SAGE. California State University, Northridge.
- d'Entrèves, M. P., & Benhabib, S. (Eds.). (1997). *Habermas and the Unfinished Project of Modernity: Critical Essays on The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas, J. (1971). *Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics* (J. Shapiro, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society* (T. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1985). *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist* (T. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1988). *On the Logic of the Social Sciences* (S. W. Nichol森 & J. A. Stark, Trans.). Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas, J. (1988). *Theory and Practice* (J. Viertel, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1990). *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)* (S. W. Nichol森 & J. A. Stark, Trans.). MIT Press.
- Habermas, J. (1990). *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas, J. (1995). *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung*. [Taschenbuchausg] Aufl. Suhrkamp.
- Habermas, J. (1995). *Theorie des kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. [Taschenbuchausg] Aufl. Suhrkamp.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy* (W. Rehg, Trans.). MIT Press.
- Habermas, J. (1998). *On the Pragmatics of Communication* (M. Cooke, Ed.). MIT Press.
- Habermas, J. (2008). *Between Naturalism and Religion*. Polity Press.
- Habermas, J. (2014). *On the Pragmatics of Social Interaction*. Polity Press.
- Honneth, A., & Joas, H. (eds.). 1991. *Communicative Action: Essays on Jürgen Habermas's The Theory of Communicative Action* (J. Gaines & D. L. Jones, Trans.; 1st Ed.). MIT Press.

Информация об авторах

Владимир Александрович Давыденко, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Елена Владимировна Андрианова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия

e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Information about the authors

Vladimir A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia

v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Elena V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>